

Памяти замечательного критика и учёного Александры Ивановны Баженовой, автора “Нашего современника” с 2002 года, глубокого исследователя древнерусских памятников слова и современной русской литературы (её биография Анатолия Передреева и поныне остаётся лучшей), мы посвящаем публикацию настоящей статьи, присланной в редакцию незадолго до трагической гибели её автора.

АЛЕКСАНДРА БАЖЕНОВА

“ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЛЕКСИКОГРАФЫ”, ИЛИ “ДЕРЖАВНАЯ СЛУЖБА СЛОВАРЕЙ”

Как красив, многосмыслен, глубок русский язык! Иные слова малоупотребительны из-за нынешней тенденции всё обуживать, упрощать, усреднять, нивелировать. Но когда откроешь древнерусский словарь, диву даёшься его богатствам! Восхищает сама лексика – слова русские, магнетически скованные настоящей любовью народа, песнь поэтической гармонии души и мудрости наших предков: “понадобье”, “поволока”, “померкнути”, “поотрадети”, “поостеречься”, “попечаловатися”, “похаживать”, “привадить”, “повидаться”, “порозно”, “посадник”, “послышати”, “посредок”, “потакать”, “перекор”, “потвора”, “прехитрый”, “пресильно”, “преискренний”... (все слова из томов на “П” “Словаря русского языка XI–XVII вв.”). Продолжать эту музыку незащёптых вероломной зыбью веков слов можно сколь угодно долго – до полного восстановления гармонии в душе и умиротворения. Песок времён гранил светлый алмаз родной речи, концентрируя нетленный свет её в тёмной толще веков, где в отдельном слове мысль тысячелетий запечатлена, как океан в капле воды. “Язык, – говорил А. Шахматов, может сделать меня поэтом и отчасти сделал: это язык... познакомил меня с мыслями человека”.

Все слова русского языка (по-научному – “лексика”) хранятся на карточках, в большинстве написанных вручную, в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Картотека эта составлялась с 1925 года многими, в том числе и очень известными лексикографами: А. И. Соболевским, М. Н. Сперанским, Б. А. Лариным и другими.

Описать разнообразную деятельность наиболее значимых собирателей русских слов, тружеников лексической науки решила выдающийся русский лексикограф, доктор филологических наук, многолетний создатель (1975–2003) и главный редактор “Словаря русского языка XI–XVII вв.” Галина Александровна Богатова. Она работала с картотекой русских слов более 50 лет. Книга **“Отечественные лексикографы”** под ред. Г. А. Богатовой вначале вышла в издательстве “Наука” (2000), затем (в 2011; М., “Русская

панорама”, 640 стр.) появилось второе издание, исправленное и дополненное, которому посposпобствовал выйти в свет Фонд исторической перспективы, возглавляемый Н. А. Нарочницкой. Такие серьезные, фундаментальные издания, увы, сейчас рождаются и издаются с большими трудностями.

Лишь отдельные разделы книги (И. И. Срезневский, И. Н. Березин) принадлежат перу Г. А. Богатовой. О А. Х. Востокове написал В. В. Колесов, о В. И. Дале — Ю. М. Костинский, о Е. Р. Дашковой — Е. И. Державина, о А. А. Шахматове — В. И. Макаров, Т. С. Коготкова, об С. И. Ожегове — Л. И. Скворцов, о Фасмере — М. И. Чернышёва, о В. В. Виноградове — В. И. Аннушкин и так далее... 32 лексикографа описаны почти таким же количеством авторов. Блок каждого лексикографа содержит хронологию, очерк жизни и деятельности, указания на основные труды, иногда — архивные материалы, отзывы современников.

Историю русской лексикографической науки желательно знать каждому русскому человеку, особенно человеку, имеющему дело со словом, языком, пишущему или преподающему словесность.

Как всё у нас начиналось? В 1783 году наряду с Академией Санкт-Петербурга (основанной в 1725 году Петром I) была создана Российская Академия наук, которая основной своей задачей определила составление грамматик и словарей. Русская лексикография как самостоятельное направление зародилась в её стенах. Именно здесь она набирала силы и была в течение определённого времени ведущим направлением академической науки.

Программы учебных заведений, созданных при Петре I (народных училищ, навигацких школ, духовных семинарий), требовали создания учебников и переводов передовых научных трудов западных авторов. Необходим был учёный-переводчик, знаток отечественного слова. Он стоял перед необходимостью отбора, а подчас и создания нового слова. При этом ни одного русского словаря ещё не было! Но люди, желавшие служить Отчизне в этом направлении, уже появились. В 1734 году было создано “Российское собрание академических переводчиков”, “дабы радеть о возможном дополнении российского языка, его чистоте, красоте и желаемом... совершенстве” (В. К. Тредиаковский). Раньше других необходимость изучения русского языка, составления его грамматик и словарей ощутил М. В. Ломоносов. Его “Российская грамматика”, сочинение “О пользе книг церковных”, содержащее теорию “трёх штилей”, и другие работы стали научно-теоретической основой, опираясь на которую можно было приступить к описанию словарного состава языка, обозреть нетеренные богатства устных и письменных источников русского языка. Главная цель, ради которой учреждалась новая Академия, — создать российский словарь, способный “усовершенствовать и возвеличить слово наше” (М. В. Ломоносов).

Работа над первым отечественным словарём началась буквально на первом же учредительном заседании 21 октября 1783 года, где президент Российской Академии Е. Р. Дашкова (1743–1810) зачитала её Устав. Первый Словарь Академии Российской увидел свет в 1789–1794 годах. В следующем году морской офицер и переводчик Александр Семёнович Шишков (1754–1841) издал “Трёхязычный морской словарь”, после чего в 1798 году был избран членом Российской Академии. Им опубликованы многочисленные статьи по этимологии, теории перевода, синонимии. В 1812 году он как царский референт писал многие патриотические манифесты, в которых император Александр I призывал своих подданных наказывать Наполеона. Не случайно позже Пушкин восклицал: “Сей старец дорог нам, он блещет среди народа священной памятью двенадцатого года”. В 1813 году Шишков был назначен президентом Российской Академии. В 1838 году был переиздан “Сравнительный словарь всех языков и наречий”.

После основательного в филологической науке А. К. Востокова (1781–1864), создавшего “Рассуждение о славянском языке...” (1820), “Русскую грамматику”, “Словарь церковнославянского и русского языка” (1831), “Опыт областного великорусского словаря” (1838) и другие, пришёл “одарённый выдающимся талантом наблюдения” (А. И. Герцен) В. И. Даль (1801–1872). Он задался целью “восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему...”. В. И. Даль собирал свой словарь 40 лет, параллельно создавая на том же богатом материале русских памятников и фольклорных находок “Пословицы русского народа”, “Русские сказки”. В 1863–1866 годах вышел “Толковый словарь живого великорусского языка”, которым и мы с ва-

ми пользуемся и который любим. Даль привлёк всеобщее внимание к неиспользуемым запасам русского языка, к свежей интересной периферийной лексике, полузабытым выразительным исконно русским словам. Всё это оказывало и оказывает ныне влияние на развитие образованности народной. Любя и понимая русских, он указал средства народного обновления русской литературы девятнадцатого века.

Но не только это. Он знал, как обогатить (а не испортить!) русский язык иностранными словами, которые — хочешь, не хочешь — попадали в него. Даль говорил: "...Если уж мы взяли иностранное слово, не надо ставить его в Бог весть какие необыкновенные условия. Пусть подчиняется правилам нашей грамматики и произносится так, чтобы для русского человека оно не было диковато на слух".

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) заполнил пустовавшую до того нишу отечественных славистов-историков. Увлёкшись вначале украинской стариной и языком, затем он выехал для изучения славянских языков и культуры в южно- и западнославянские страны и Германию (завоевавшую в раннем Средневековье огромные западнославянские территории. Там и поныне сохранилась культура лужицких сербов или мекленбургских славян, которую изучал ещё Срезневский). С октября 1839-го по октябрь 1842 года он побывал в Праге, Шумае, Загребе, Варшаве, Познани и других славянских городах, встречаясь там с местными историками, лингвистами, изучая письменные памятники, обряды славян, местные говоры. Он составил свою карту расселения славян, ибо не все поселения их (а значит, не все говоры!) были известны науке.

По возвращении на родину Срезневский возглавил кафедру славянской филологии Харьковского университета. Он начал свою вступительную лекцию в университете такими словами: "Недавно о славянах или вовсе молчали, или говорили, будто о племени далёком или недостойном внимания, не связанном никакими узами жизни общественной с другими сильными народами Европы, говорили о них ложь и напраслину, одни — их не зная, другие — и не зная, и знать не хотя". Это настроение на фоне нескольких сербских освободительных восстаний в начале девятнадцатого века, приезда Вука Караджича в Россию и других событий было тогда более чем понятно. Курс *славяноведения* создавался в России впервые "и своим первым чтением он должен был защитить права на существование науки, многим казавшейся ненужной роскошью". Славяноведение как учебная дисциплина утвердилось в университетах России.

В 1846 году Срезневский защитил диссертацию "О святынях и культовых обрядах славян" и стал первым в России доктором славянской филологии. После знакомства с культурами южных и западных славян он с той же увлечённостью отдался изучению русской письменности. С 1847 года и до конца жизни он был связан с Петербургским университетом, в 1851 году став его ректором. Здесь началось изучение многочисленных, порой доселе не известных рукописей, накопление материалов для словаря.

Сокровища русской письменности 1840-х годов в Петербурге были таковы: здесь уже имелась Публичная библиотека, хранительница уникального Остромирова Евангелия, собрания русских и южнославянских рукописей графа Ф. А. Толстого, Погодинского собрания. В Петербурге был уникальный Румянцевский музей. В 1859 году в Петербургскую духовную Академию поступили собрания Новгородского Софийского собора и Кирилло-Белозерского монастыря. В эти годы Срезневский особенно много и плодотворно работал, в списке его трудов 389 названий статей и книг. Он умел прокладывать путь к неизведанному. "Материалы для словаря древнерусского языка", изданные после смерти И. И. Срезневского (1893–1913), представляют собой фундаментальный трёхтомный труд, синтезирующий филологические знания девятнадцатого века в области истории русского языка.

А. А. Шахматов (1864–1920) восемнадцатилетним гимназистом начал печатать свои статьи на актуальные филологические темы в берлинском журнале Ватрослава Ягича "Archiv fur slavische Philologie". Они приоткрывали завесу над сложнейшими проблемами истории восточного славянства и его языка. Он касался проблем происхождения славян, изучал процессы формирования и миграций восточнославянских племён и связанные с ними пути становления диалектов, а на их основе — восточнославянских языков. Шахматов был убеждён, что язык важен не сам по себе, а как один из ценнейших результатов и показателей деятельности народа.

Придавая большое значение культурной истории восточных славян, Шахматов предпринял глобальное исследование истории русского летописания. В 29-ти его работах, посвящённых летописям, «проявилась поразительная сила и глубина исследовательского таланта учёного, его редкое, беспрецедентное умение реконструировать, восстанавливать древнейшие памятники письменности, дошедшие до нас не в первоначальном виде, а в позднейших обработках, редакциях, «списках». Именно Шахматов впервые в науке применил к реконструкции летописных текстов лингвистический сравнительно-исторический метод исследования, впервые подошёл к этим памятникам как филолог». Он опубликовал результаты глубокого изучения около 200 сводов русских летописей. Притом сводов рукописных! Представляя читателям скрупулёзные расхождения и различия или совпадения многочисленных региональных вариантов летописей, обращая внимание на пропуски, перепутывания листов, не совсем стыкуемых (с точки зрения хронологии, логики) вставок, он уходил всё далее к начальным этапам летописания. В 1816 году ему удалось опубликовать восстановленный древнейший, принадлежавший монаху Киево-Печерского монастыря Нестору текст «Повести временных лет». «Не будь у него 160 других работ, учёный и одним этим трудом обеспечил бы себе место в когорте выдающихся русских филологов», — пишут его биографы В. И. Макаров и Т. С. Коготова. Филологическое исследование этой ценной летописи позволило Шахматову уточнить множество исторических моментов прошлого Древней Руси.

Исследуя сотни памятников древнерусской письменности, А. А. Шахматов анализировал в них фонетические явления языка, находил яркие факты из области словообразования, истории лексических значений слов. В них он стремился отыскать отражение культурной истории восточных славян. Как и Срезневский, он был убеждён, что «каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа».

С такими убеждениями Шахматов продолжил работу над академическим «Словарём русского языка», начатым ещё Я. К. Гротом (смерть которого оборвала выпуск после первого тома). Сам Шахматов успел напечатать лишь II тома на буквы Е-Ж-З; над последующими томами работали известные профессора Д. К. Зеленин, С. П. Обнорский, С. К. Булич и другие. В советское время выпуски Словаря не отличались своими принципиальными установками от идей Шахматова, редакторами их были академики В. М. Истрин и Е. Ф. Карский. Шахматовское издание продолжалось вплоть до 1929 года. В свет вышла примерно пятая часть словаря. В 1928 году Академия наук решила приступить к полному переизданию Словаря. Причиной этому стали колоссальные сдвиги в русском языке, привнесённые Октябрьской революцией, кроме того, нельзя было продолжать печатать Словарь по правилам старой, дореволюционной орфографии. С 1932 года «Словарь русского языка» стал выходить новым изданием. Отсутствие твёрдого порядка в выходе выпусков, затянувшиеся сроки издания (словарь должен был составлять 56 томов), отказ от принципа нормативности — всё это вызвало протесты у широкой общественности. И поэтому в 1937 году работа над словарём была прекращена. Это интересное и поучительное лексикографическое издание стало библиографической редкостью. Словарные материалы, вдумчиво и скрупулёзно собиравшиеся всеми составителями, стали основанием словарной картотеки Академии наук, с которой мы начали этот рассказ об истории создания словарей и об интересной жизни лексикографов в России. На основе этой картотеки создавались новые академические словари: семнадцатитомный и четырёхтомный «Словари русского языка» и диалектный «Словарь русских народных говоров».

Огромное количество лиц было привлечено Шахматовым к сбору материалов для «Словаря русского языка». Как добрый гений русских, особенно молодых, учёных он то налаживал учёные командировки и диалектические экспедиции, то хлопотал субсидии для архивных комиссий и научных кружков, то организовывал работу во вновь возникающих учреждениях, то обеспечивал архивные занятия для молодых работников науки, то содействовал появлению в свет учёных, трудов. «Дело Шахматова громадно. Им возведён фундамент и капитальные части здания истории русского языка», — считал Д. Н. Ушаков. Среди всего славянства он пользовался чрезвычайной популярностью как учёный, всецело преданный делу славянского культурного единения.

По инициативе Шахматова возобновилось систематическое издание капитальных древнейших памятников славянского и русского языка, научное из-

дание русских писателей XIX века. “Тихий ручей старой “Российской Академии” обратился в широкое научно-общественное течение” (В. И. Щепкин).

Имя Дмитрия Николаевича Ушакова (1873–1942), автора двух прекрасных уникальных справочников – “Орфографического словаря русского языка” (М., 1934), с 7-го издания – в соавторстве с С. Е. Крючковым, причём вышло более 30 изданий, и “Толкового словаря русского языка” (т.т. 1–4, М., 1935–1940) – превратилось в советское время в имя-словарь. В духе времени советские граждане стали говорить: “Надо посмотреть Ушакова”, “Заглянуть в Ушакова”, “Как сказано у Ушакова”. Ушаков-лексикограф был широко востребован.

Русская лексикография к 1920-м годам, с одной стороны, имела достаточно богатую традицию в области создания толковых словарей, с другой – уже существовавшие словари плохо удовлетворяли новым условиям, в которых оказался русский язык после революции. Глобальное переустройство общества, многочисленные нововведения получили отражение в лексике: появились новые слова, их новые значения. В то же время массы крестьян и рабочих, не владеющих (или не совсем владеющих) литературной нормой, приобщались к литературному языку. Все жаждали знаний, вся страна с энтузиазмом училась. Нужен был принципиально новый толковый словарь. Толковый словарь Ушакова, работа над которым велась более десяти лет, стал новаторским во всех отношениях. Прежде всего, по отбору лексики. В него вошли новые, иногда “сиюминутные” слова, отражающие время (например, *выдвиженец*, *нэпман*, *продразвёрстка*, *уравниловка*), и слова, традиционно употреблявшиеся в различных речевых жанрах, наиболее употребительные диалектные и просторечные (*губошлёп*, *гугнивый*, *гулёна*, *гущина*), профессиональные и специальные термины, устаревшая лексика, ещё не совсем выветрившаяся из языкового сознания говорящих. Словарь был **нормативным**, и это его свойство проявлялось не только в отборе лексики, но и в системе грамматических сведений о слове, в комментариях, которые предупреждают неправильное употребление; “имеют практическое значение для ищущих стилистического руководства”. Вопросы нормы современная лингвистика считает исходным пунктом всякого начала. Ушаков сломал прежние каноны, смело вышел на новый путь и повёл за собой учеников. Дмитрий Николаевич относился к языку не только как к объекту изучения, к живой, звучащей речи, но он был убеждён в эстетической ценности литературного произношения как символа определённой культурной традиции, культурной среды. А. А. Реформатский отмечал “ювелирную манеру изложения” речи самим Ушаковым, любил он “просторечием играть”, в то же время знал санскрит. Ушаков ещё застал эпоху лексикографии, когда русские учёные не боялись и умели выводить индоевропейскую лексику из праязыка индоевропейцев – санскрита. В Московском университете он начинал преподавание с кафедры сравнительного языкознания и санскрита. В советские времена корневую систему языка (санскритскую) игнорировали, многие русские слова выводили из немецкого, французского, латинского, греческого и проч. как заимствования, всячески придавая русскому языку статус неизвестно откуда пришедшего, полного заимствований. Увы, продолжается это и сейчас. В то время как русские, славянские, французские, немецкие, латинские слова зачастую РАВНОДРЕВНИ, РАВНОЦЕННЫ, так как вышли из одного праязыка. Ушаков остался в науке как образец большого учёного, интеллигентного русского человека, сделавшего немало для русского просвещения, культуры. Жизнь его охарактеризована многими его учениками, события её, внешне скромные, отмечены большим трудолюбием и твёрдыми борцовскими качествами. Немало препон, например, ставили словарю цензурные редакторы. Вошли в анекдоты реальные случаи со словарём Ушакова. Так, необходимые сокращения указаний “сов.” (*совершенный вид*) и “несов.” (*несовершенный вид*) глаголов могли показаться “бдительным” указаниями на “советские” и “несоветские” слова и понятия. А народное выражение “держат в ежовых рукавицах” теми же блюстителями тайных содержаний могли быть расценены как намёк на деятельность ведомства Ежова. Как ни предлагали Ушакову пойти на компромиссы, понимая, что иногда спорить с цензором бесполезно и опасно, он отстаивал свои убеждения и выводы здравого смысла. Но это не значит, что он был мягок, нерешителен в своих поступках, как некий “гнилой интеллигент” (сатирический усреднённый портретный штрих советской эпохи). Ему свойственна необычайная принципиальность и твёрдость, когда

это было надо. Например, он даже ездил добиваться приёма у Молотова, когда возникли проблемы со “Словарём”.

Обладавший прекрасными знаниями этнографии, языков и диалектов, Ушаков умел любую кафедру, разговор, беседу (или печатный материал) превратить в плацдарм для просветительской работы. Играя знаниями, он любил как бы в шутку взять на себя роль Хиггинса: каждому студенту говорил, откуда тот приехал в Москву. Это производило неизгладимое впечатление на присутствующих, они сразу проникались интересом к науке, хотелось учиться и работать в области лингвистики. Ушаков был разносторонне одарённым человеком, любил поэзию, прекрасно рисовал, был знатоком музыки. В тонком, непогрешимом чутье языка ему не было равных. Сам он с неким внутренним лукавством говорил о себе: “Это лучшее ухо в Москве”.

Макс Фасмер совершенно не похож на других своих русских коллег ни характером, ни жизненными обстоятельствами, на фоне которых он так упорно творил. Он был из семьи российских немцев, родился в Санкт-Петербурге в 1886 году, а умер в Западном Берлине в 1962-м. Как говорил о нём академик О. Н. Трубачёв, “по рождению, по культуре, приобретённой в детстве, по образованию он был русским человеком, учёным, сохранившим верность русской теме до конца жизни. Он был филологом русской школы”. Зная множество языков, интересуясь особо языками окружавших Россию народов и народов, проживавших в ней, языками пограничных друг с другом языковых ареалов, Фасмер создал основной труд, прославивший его в веках, — “Этимологический словарь русского языка”. И всё, что он делал до этого, было лишь преддверием “Словаря”. На годы его жизни выпали трудные испытания: войны, революции, но он необыкновенно умел сосредоточиться на научной работе, отрешившись от всего. Его сокурсник по Петербургскому университету, революционер Д. Мануильский вспоминал, как Фасмер уговаривал в 1905 году “делать вашу русскую революцию не столь громогласно — мешааете же готовиться к сессии”.

Преподавая по всем странам Европы, Фасмер собирал картотеку русского языка, сам писал её “от руки”. Причём в Польше критиковали его за то, что он находил германизмы на территории тогдашней Польши, а в Германии, наоборот, обижались, что он вплоть до датских границ находил славянские топонимы (и не удивительно: почти вся Германия занимает территории исторического расселения славян). Фасмер был объективен: “Платон мне друг, но истина дороже”. Объективность в науке — одно из его главных достоинств. Во время господства фашистских установок германского превосходства, по словам М. Вольтнер, он “не дал сбить себя с толку”. Он продолжал заниматься опасными для того времени проблемами: польскими диалектами в Силезии, лужицкими славянскими диалектами в Германии, не задумываясь над тем, что его коллеги Олеш и Вирт пострадали за это.

Захват Польши и последующие события глубоко потрясли Фасмера. Он много сделал для освобождения польских лингвистов из концлагерей, едва не угодив туда сам. Война нанесла и ему сильнейший удар: в 1944 году фугасная бомба разрушила его квартиру. Были уничтожены издания на русском языке с пометами для этимологического словаря, погибли рукописи, огромные картотеки, курсы лекций. После войны из-за отсутствия витаминов у М. Фасмера началась болезнь глаз. Он принял приглашение читать лекции в Швеции. Около двух лет в Швеции, читая лекции, в свободное время он восстанавливал утраченные карточки для “Словаря”. В 1950 году появился первый выпуск “Этимологического словаря русского языка”. Встал вопрос о переводе словаря на русский язык. Таким переводчиком стал Олег Николаевич Трубачёв. Он писал: “Надо отдать должное чутью Фасмера... Момент для публикации он выбрал как нельзя лучше... Суть в том, что его словарь, опубликованный в первое послевоенное десятилетие, требовался именно тогда и притом как насущный хлеб нашей общей науки... Свою единственную роль по уровню подготовленности и причастности к русской филологии учёный понял своим безымянным, так никогда и не высказанным чувством... Кроме Фасмера тогда такой словарь для русского языка не сделал бы никто... Наши дальнейшие исследования были бы во многом поставлены под вопрос... Классическая русистика и славистика имеет право считать М. Р. Фасмера своим, и это не парадокс, а феномен сложной культурной истории”.

Секрет научного успеха академика Виктора Владимировича Виноградова (1895–1969) – учителя учителей славистов, лексикографов, филологов – прост. Он рождён преемственностью идей лучших учителей его и предшественников и беззаветной любовью к родному русскому наречию. А. П. Чудаков назвал наиболее заметной чертой мышления и метода Виноградова “познавательный максимализм”, выразившийся, прежде всего, в “полноте фактов и историзме”. В. Г. Костомаров говорил: “Величайшим таинством мыслей и поступков этого замечательного человека и учёного было “святое беспокойство” – вечное движение, неустанный поиск, всё новые планы, всё новые повороты даже старых тем”. “Будучи новатором в нескольких областях филологических знаний, В. В. Виноградов одновременно обладал редким и благословенным даром историка науки, способного оценить и укрепить жизненную силу научной традиции, умеющего видеть в фактах и идеях прошлого не только краски и оттенки ушедшего времени, но и их необходимость, и значение для настоящего” (Н. И. Толстой).

Как лексикограф Виноградов участвовал в авторском коллективе и редактировании “Толкового словаря русского языка” под ред. проф. Д. Н. Ушакова (1935–1940; Т. I–V). Он был редактором “Словаря современного русского литературного языка” (1949–1965; Т. I–XVII), ответственным редактором “Словаря языка А. С. Пушкина” (1956–1961; Т. I–IV); выпустил десятки монографий на темы отечественной филологии и различных аспектов русского языка.

Сергей Иванович Ожегов (1900–1964) – один из славных учеников Виноградова. Его лучшие труды также стали достоянием национальной культуры. Сергей Иванович был выходцем из простого народа, он родился в рабочем посёлке Тверской губернии, творил в то время, когда у больших масс простых людей проснулась необыкновенная жажда знаний. Кроме школ, техникумов, вузов, существовали “рабфаки”, “ликбезы”, “всеобучи”, “курсы”, “курсы повышения квалификации”, общественный “Университет культуры”, общество “Знание”, кружки по интересам, литобъединения, вечерняя и заочная учёба. Все учились на русском языке и одновременно учились русскому языку. В статье “О трёх типах толковых словарей современного русского языка” Ожегов писал, что в процессе выполнения насущных требований общечеловеческой выявилась практическая рациональность трёх типов словарей, удовлетворяющих различным запросам. **Большой словарь** с возможной полнотой включает лексику... произведений XIX–XX вв., областную речь и просторечие разных типов... терминологию и разговорную речь с её типичными фразеологическими штампами, характерными для разных периодов развития литературного языка. **Средний**, а тем более **краткий словари** включают... только актуальную для современности лексику. В частности, таким актуальным оказался ожеговский однотомный “Словарь русского языка” (1-е издание вышло в 1949 году), имевший множество переизданий; а затем (в соавторстве с Н. Ю. Шведовой) – “Толковый словарь русского языка”.

Сергей Иванович активно участвовал в создании многих словарей русского языка в 50–60-е годы: то как редактор или член редакционной коллегии, то как научный консультант и рецензент, то как непосредственный автор-составитель. Он был членом редакционной коллегии “Словаря современного русского литературного языка” АН СССР в 17-ти томах (1948–1965) с 6 по 17-й том, автором-составителем и членом редакционной коллегии академического 4-хтомного “Словаря языка Пушкина” (1956–1961).

Значительной для сохранения и развития русского языка была его работа как редактора новых и важных нормативных словарей. Вместе с С. Г. Бархударовым и А. Б. Шапиро он редактировал “Орфографический словарь русского языка” АН СССР – наиболее полный и самый авторитетный справочник по русскому правописанию, переиздающийся по сей день (с участием других редакторов). В 1955 году под грифом АН СССР вышла книга “Русское литературное ударение и произношение” (в 1959 – она же – “Русское литературное произношение и ударение”), редакторами которой были С. И. Ожегов и Р. И. Аванесов. Это был первый справочник по современной русской орфоэпии, многие годы он был самым полным пособием по различным спорным и вариативным вопросам произношения, ударения и образования грамматических форм. По инициативе и под руководством С. И. Ожегова был подготовлен словарь-справочник “Правильность русской речи” (1962) – первенец отечественной лексикографии в области специальных нормативных словарей. И это далеко не весь перечень

трудов Ожегова. “И по сей день Сергей Иванович Ожегов – учёный новой формации, отдавший силы, знания и опыт современной науке, её пропаганде и совершенствованию, – является для каждого из нас советчиком и учителем в овладении русским литературным языком” (Л. К. Граудина).

Для академика Олега Николаевича Трубочёва (1930–2002) его любимая наука этимология и ономастика (он сорок лет возглавлял сектор этимологии и ономастики в Институте русского языка РАН) – наука о корнях и именах. . . О корнях слов и имён собственных славянских языков, о корнях и именах славян, Русской земли. Через корни, имена собственные, этнические самоназвания, гидронимы, топонимы, славянскую лексикографию он устанавливал древность того или иного ареала обитания славян и русских (Поднепровья, Северного Причерноморья, Подунавья и т. д.). Его замечательные книги “Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования”, “Indoagica в Северном Причерноморье”, “Русская ономастика и ономастика России: Словарь” (редакторская работа), “В поисках единства” и десятки других книг и статей привнесли в исследования жизни славян немало открытий, веско аргументированных доводов в пользу более древнего начала существования славян и русских. В то время, когда распадались страны и народы, Олег Николаевич Трубочёв упорно искал древние корни единства славян. Не случайно и самая популярная книга, неоднократно переиздававшаяся, называется “В поисках единства”. Но настоящий подвиг – его тринадцатилетняя подготовка и двадцативосьмилетнее создание и издание по 1 тому в год уникального “Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд” (вып. 1–32 под ред. О. Н. Трубочёва; издание продолжается, вышел 36 вып.). Фактически, чтобы заняться этим делом жизни, Олег Николаевич изучил все славянские языки, европейские – древние и новые. Он говорил: “Лингвист – не обязательно полиглот. Но поток научной информации не только многоводен, он ещё и многоязык. Русисту надо читать на других славянских языках. . .” Не случайно поэтому он считался славистом и русистом мирового масштаба: читал лекции в университете Хельсинки, в университетах Германии, США и других стран. С 1960 года он был членом Советского (Российского) комитета славистов, а с 1996-го – председателем Национального комитета славистов России. При этом, когда он открывал заседание Международного съезда славистов в Германии, он вёл его по-немецки, в Польше – по-польски, в Сербии – по-сербски, в Украине – на украинской мове, в Болгарии – по-болгарски и так далее. Рядом с ним по знанию индоевропейских языков поставить рядом было некого.

Необходимость основательного славянского этимологического словаря назрела давно. Ещё переводя “Этимологический словарь русского языка” Фасмера, Трубочёв понимал, что этот словарь уже недостаточен, он думал над созданием общезтимологического словаря всех славян. Любой славянский язык может обогатить своими знаниями все другие языки, так как нередко иные слова и даже всего одно слово могло сохраниться лишь в том или ином языке, а иногда – варианты – в нескольких. Здесь широкое поле деятельности для анализа лингвиста. Он благодарил судьбу за уникальную возможность начать работу по осуществлению актуального и дерзновенного в своей масштабности проекта создания общеславянского исторического словаря. Цель О. Н. Трубочёва была реконструировать общеславянский лексический фонд по словарному богатству всех языковых групп славян. Работа архисложная. Работа титаническая и почти невидная до её окончания (а до её окончания он – увы! – не дожил). Олег Николаевич размышлял: “. . . Черновую, техническую работу не принято считать престижной. . . А между прочим, черновую работу необходимо делать хорошо в интересах прогресса всей дисциплины. Как говорил ещё Микеланджело Буонаротти: “Не презирайте мелочей. Ибо от мелочей зависит совершенство, а совершенство – не мелочь”.

Олег Николаевич Трубочёв вынашивал план создания Русской национальной энциклопедии, где был бы отражён русский взгляд на мир. В 1995 году на II Всемирном Русском Соборе он говорил: “Русские сегодня являются единственной из великих наций, не имеющей Большой Национальной Энциклопедии. Выдержавшая ряд изданий, БСЭ не может претендовать на восполнение данного пробела. Она совершенно не адекватна духовному самосознанию русских ни в смысле древних славянских корней, ни с точки зрения тысячелетней православной традиции. Не сулит положительных сдвигов и переименование

её в “Большую Российскую Энциклопедию”. Тем более что насаждаемые правительственным словоупотреблением и массовой пропагандой регулярные подмены этнического определения “русский” административно-территориальным понятием “российский” несут в себе тенденцию вновь растворить русское в нерусском, размыть и снять вопрос о русском вкладе, о русском месте в мире, истории и культуре.

Задача создания Русской энциклопедии, обобщающей и формулирующей национальную картину мира, принимает сегодня, на рубеже XXI, “общечеловеческого” столетия характер первоочередной необходимости. Понимание этой потребности возникло в обществе и растёт, как народная инициатива, снизу, со стороны широких патриотических кругов”.

Ныне идея Русской энциклопедии подхвачена Олегом Платоновым и осуществляется по мере сил, хотя вполне очевидно всем, что без государственной поддержки такое издание трудно выполнить. И то, что работа эта движется – уже чудо!

Во многом помогала О. Н. Трубачёву его супруга – доктор филологических наук, специалист мирового уровня по древнерусской лексике Галина Александровна Богатова (род. в 1930). Она сама словарник и организатор словарного дела. Как историк лексикографии, она создала книгу, о которой и говорим, – “Отечественные лексикографы”. Главный труд её жизни – “Словарь русского языка XI–XVII вв.” – начался в 1960 году с размышления о типах словарей. Хотя её учитель С. Г. Бархударов был уверен, что в трудные послевоенные годы нужны словари популярного типа, Галина Александровна, познакомившаяся к тому времени с обширной картотекой Древнерусского Словаря, насчитывавшей тогда более полутора миллионов карточек-цитат, была уверена: нельзя возводить только лёгкие постройки на таком мощном материале. Строение должно соответствовать фундаменту. В этой мысли утвердила её и ежедневная в течение многих лет работа над “Материалами для словаря древнерусского языка” И. И. Срезневского (которые были переизданы ею), и изучение его жизни, идей. В 1975–1989 годы Галина Александровна – учёный секретарь редколлегии “Словаря русского языка XI–XVII вв.”, 1989–2004 – главный редактор (издание продолжается). Это одно из наиболее крупных лексикографических предприятий (наряду с “Этимологическим словарём славянских языков”) исторического цикла в современном мире. Историческая лексикография, которой занимается всю жизнь Г. А. Богатова, сама по себе относится к числу “монументальных жанров”. Это, как правило, словари, на составление которых требуется в среднем от 25 до 50 лет. В русской традиции мы пока не имеем ни одного доведённого до конца исторического словаря. Создание национального исторического словаря оказывается напрямую связанным с гражданской позицией патриота Г. А. Богатовой. “Исторические словари – это материальное выражение национальной культуры, основа её духовности. Это глубоко национальная работа. Так полно, как в словаре, специалист не может реализовать себя нигде... Словарь исторического жанра лучше всего исполняет свою меморативную функцию хранителя памяти и традиций народа”, – говорит она.

“Державная служба словарей” – так обозначила в своё время Г. А. Богатова необходимую для любой великой державы систему словарно-лингвистического обеспечения. Без неё невозможны ни образование, ни наука, ни литература, ни культура. О. Н. Трубачёв писал: “...Ни одна подлинно великая страна не кончается там, где кончается её территория. Значительно дальше простирается влияние культуры великой страны, и это влияние идёт практически всегда через её язык... Русский языковой союз – великое и достаточно уникальное культурное наследие..., в нём одна из гарантий сохранения единства страны и её культуры также в будущем”. В книге “Отечественные лексикографы” Г. А. Богатова показала всему миру мощь отечественной лексикографии, мощь русского языка, представила плеяду выдающихся тружеников языковой науки, с которых не грех брать пример и дальнейшим поколениям подвижников русского языка, и нам.